

—Итак, к середине осени 1971-го года сложилась такая ситуация.

—Вынужденно освободившись от преподавания, я смог по-настоящему вникнуть в суть задачи, поставленной Осиповым, и увлечься ею. Я чувствовал себя вполне созревшим для научного руководства темой: мне было отчётливо ясно, что, как и кому нужно делать (я пользовался доверием сотрудников темы, ощущал признание своего авторитета).

Фактически я это руководство и осуществлял, пытаюсь растормозить помимо Кости, с которым у нас уже наладилось взаимодействие, и других сотрудников ЛПФ, в первую очередь, Лёньку Захарова, Никитина, Фомина. Я вёл рабочие семинары, на которых предлагал индивидуальные задания работавшим на теме, если с ними соглашались, то обсуждался и назначался срок исполнения. Так формировался план текущей работы, за выполнением которого я следил, встречаясь с исполнителями и обсуждая возникавшие у них проблемы. То есть я делал всё то, что и положено делать научному руководителю, ведя при этом и свою личную часть работы, пока, главным образом, обзорную, компилятивную.

—Но реализовать свои возможности в полной мере я не мог. Формально я теперь не числился на хоздоговорной теме "Квадрат" в КГУ и не мог официально руководить сотрудниками ЛПФ, не имел даже права ездить в Калининград, в университет по своему усмотрению. В обсерватории же на теме ДМИ в 1971 году числились только я и Лена Васильева, которой Осипов поручил сбор и обработку данных вертикального зондирования ионосферы (для построения эмпирической модели высотных профилей электронной концентрации). Правда, тема ДМИ выполнялась как бы совместно КМИО и ЛПФ, как это указывалось в планах работ, утверждавшихся руководителем обоих этих подразделений (учреждений, принадлежавших различным ведомствам,) - Гостремом. Я решил воспользоваться этим и напомнил Гострему, что Осипов рекомендовал меня в качестве ответственного исполнителя совместных работ, и что Гострем весной с этим был согласен. А как он считает сейчас? Являюсь ли я таковым, и если да, то за кого я отвечаю, и кто мне подчиняется?

—В ответ на эти вопросы Гострем пробурчал что-то невнятное: - Да, конечно, так сказать, но надо ещё посмотреть... - и тогда я подал ему докладную записку с просьбой утвердить список подчинённых мне исполнителей темы "Динамическое моделирование ионосферы". В этот список я включил Латышева, Никитина, Багно, Захарова, Фомина, Лену Васильеву, университетских программист-девиц Блик, Поцтывую, Бутович, а также Сашеньку, полагая, что в одиночку ей продолжать заниматься пульсациями, что она делала до сих пор, - бессмысленно, а переключиться на ионосферу она сможет, во всяком случае есть кому помочь ей. Правда, она оставалась ответственной за магнитные наблюдения, точнее, за их обработку, так как контроль за аппаратурой Гострем передал Сивицкому, и даже ездила в этом, 1971 году в ИЗМИРАН на совещание по геомагнитной службе, но эта работа не отнимала у неё много времени.

—Гострем сунул мою докладную к себе в портфель, пообещав разобраться. Но дни шли, а ничего не менялось. По-прежнему запрещалось проводить рабочие семинары без Гострема, а с ним договоришься, приедешь в Калининград, он где-то в бегах или заседает, можно прождать целый день и не дожидаться - ежай обратно, день пропал. Я просился в Москву в командировку - обсудить состояние работы с Осиповым, выступить на семинаре в ИЗМИРАНе в лаборатории Фаткуллина, автора целого потока работ по ионосферному моделированию, - Гострем не пустил. Наконец, он отреагировал на мою докладную и предложил мне возглавить группу физиков в составе Никитин, Захаров и Сашенька, а математиков - к ним он отнёс программисток и Фомина - оставить в покое, пусть ими Латышев командует.

—Я обсудил это его предложение с ребятами - Латышевым, Захаровым и Никитиным, которые Гострема уже тоже раскусили и поняли, что он не хочет слишком уж тесного

объединения сотрудников, да ещё под началом Намгаладзе. Все согласились с тем, что смысл в предложенном искусственном разделении нашей неформальной группы моделирования на физиков и математиков имеется только один: разделение ради разделения. Уж больно не нравился Гострему наш альянс с Костей. Ведь в своей системе преподавания он сам ратовал как раз за слияние физики и математики, а в нашем случае такое слияние было тем более естественным и необходимым, что речь шла о математике прикладной, используемой как метод решения конкретной физической задачи... Так что в его предложении смысл был сугубо политический - не дать объединиться нам с Латышевым. Почему? Зачем ему это надо было? Ведь это же вредило делу, работе! Тогда мы этого ещё не понимали вполне отчётливо, отождествляя интересы Гострема и интересы дела, работы, хотя, конечно, слышали и такое выражение: "Разделяй и властвуй". Этим принципом Гострем и руководствовался, инстинктивно боясь нашего объединения.

—Итак, обсудив ситуацию с ребятами, я подал Гострему вторую докладную записку, предварительно согласовав её текст с Костей, Лёнкой и Мишей. В этой докладной я фактически ставил перед Гостремом ультиматум: или он предоставляет мне полномочия научного руководителя группы моделирования, каковым я по существу и был, но нелегально, и не мешает работать, или я отказываюсь участвовать в отчётах ЛПФ по хоздоговорной теме с РТИ, поскольку формально никакого отношения к этой теме не имею. Последнее Гострема, конечно, никак не устраивало. В предыдущем (обзорном) отчёте по "Квадрату", который мы составляли где-то в мае - июне, я собственноручно накатал более двух третей всего текста, и моя часть более других касалась существа темы. В докладной я предлагал обсудить вопрос о научном руководстве на совещании всей группы моделирования.

—Почувствовав, что ребята меня поддерживают (из разговоров с ними поодиночке, в которых Гострем жаловался на меня, что я рвусь к власти, - а ребята передавали содержание этих разговоров мне), Гострем перестал упорствовать и пошёл нам навстречу. Требуемое собрание группы моделирования было проведено где-то в ноябре, и Гострем, не накаля обстановки, как ни в чём не бывало, подтвердил, что, как и договорено было почти год назад с Осиповым, я являюсь ответственным исполнителем совместной темы "ДМИ". Числиться научным руководителем мне якобы не положено, это прерогатива его - Гострема.

—Я сказал, что мне неважно, кем я буду числиться. Тема требует научного руководства, я его фактически осуществляю и прошу лишь, чтобы мне не мешали в этом, и прежде всего не препятствовали контактам с исполнителями, обсуждениям с ними хода работ как в форме рабочих семинаров, так и в форме индивидуальных встреч. Гострем отвечал, что он ничуть этому не препятствует, только и сам хочет принимать участие в семинарах, "внести посильный вклад, так сказать, помочь советом", а мы его якобы избегаем и чуть ли не пускаем на семинары. В ответ на напоминания о его многократных неявках к назначенному им самим сроку семинара Гострем оправдывался, что это не его вина, он очень занят и т.д., и т.п. Но вроде бы мы друг друга поняли и обо всём договорились.

—Тем не менее вскоре мне пришлось писать третью докладную, так как Гострем под угрозой дисциплинарных взысканий запретил сотрудникам ЛПФ ездить в Ладушкин без специального его разрешения на каждую поездку. Теперь он считал, что раз я - ответственный исполнитель, то и должен сам ездить в ЛПФ (а недавно ведь запрещал и это). Но в Ладушкине (точнее, в Ульяновке) была научная библиотека, и мы решили вытребовать право на регулярные, хотя бы раз в 10 дней, поездки сотрудников ЛПФ в Ульяновку для работы в библиотеке и отчётов перед ответственным исполнителем.

Очередная докладная вывела Гострема из себя:

—- Зачем эти бумажки, так сказать? Зачем копия Кондратьеву?

—- Чтобы Вы не забыли, что перед Вами поставлен вопрос.

—- Я никогда ничего не забываю, так сказать!

—- Так или иначе, и этот вопрос уладился, ездить стали без ограничений.

— Все эти докладные накладывали, конечно, рубцы на наши взаимоотношения с Гострем, и иной раз он не скрывал откровенного раздражения, но на людях держал себя так, как будто мы с ним чуть ли не лучшие друзья, улыбался, похлопывал меня по плечу:

— - Горячий петушок, так сказать. Но умный, чёрт побери, голова!

— Короче, не скупился на комплименты.

— В конце года Гострем поручил мне составить план работ по теме ДМИ на следующий, 1972-й год. Я привлёк к этому делу Костю, и мы с ним подробно расписали, кому что предстоит сделать и к какому сроку. Сашенька подключалась к Захарову, и им поручался обзор и выбор модели нейтральной атмосферы, а также разработка блока нижних граничных условий. Этот план я отпечатал на машинке и представил Гострему. Он собственноручно внёс в него следующие коррективы: включил два пункта, исполнителем которых назначил себя: а) выбор этапного варианта системы уравнений ДМСИ (динамической модели спокойной ионосферы) к 1 мая 1972 г. и б) составление плана на продолжение работ по теме на 1973 г. к 30 сентября 1972 г., а в правом верхнем углу начертил: "Утверждаю. Научный руководитель темы ДМИ, доктор физико-математических наук, профессор Гострем Р.В." Откорректированный план он показал сначала Латышеву и Никитину, те подивились новым пунктам, но возражать не стали, после чего план вернулся ко мне. Я попытался ерепениться, ехидничал:

— - Из каких, интересно, соображений, Рунар Викторович, Вы будете выбирать "этапный вариант" системы уравнений и составлять план на 1973-й год? Ведь Вы же, извините, некомпетентны в этих вопросах.

— Гострем злился:

— - Не надо, так сказать. Надо уважать старших. Я знаю, что Вы не хотите, чтобы я участвовал в теме, но я буду, так сказать.

— С этого начался складываться наш основной конфликт с Гострем: он желал фигурировать везде, где только можно, и научным руководителем и конкретным участником - исполнителем темы, не прилагая при этом никаких научных усилий и скорее дезорганизуя работу своими запретами, чем помогая ей, а я всячески противился этому. В этой борьбе каждый пытался привлечь на свою сторону прежде всего Костю Латышева, а также Захарова и Никитина. Внутренне все трое, и Костя в первую очередь, были на моей стороне, но во внешних проявлениях склонны были к компромиссу с Гострем и считали меня чересчур непримиримым:

— - Ну его, Бог с ним! Пусть приписывается, тебе жалко что ли?

— - Ага, а потом он в соавторы всюду полезет, пусти козла в огород.

— - Не полезет, не волнуйся, не пустим. А в крайнем случае и пусть, чего тут такого?

— - Ну уж нет. Добро бы хоть помогал чем, а то только мешает.

— А в обсерватории Гострем выселил меня из отдельного кабинета, который я занимал во втором здании, и посадил туда Юру Саенко, а меня поместил в одной комнате с Леной Васильевой и Сашенькой:

— - Все на одной теме, так сказать, и сидите вместе!

На рабочем месте в Ульяновке с уравнениями модели на стене (передо мной стол Лены Васильевой, а справа у двери - Сашенькин)

Теперь мы с женой не расставались ни днём, ни ночью, ни дома, ни на работе... Редкая ситуация. Не каждый такое может долго выдержать. И на нас с Сашенькой это тоже, конечно, сказывалось. Мы уставали друг от друга, часто ссорились по пустякам. Производственные конфликты сливались с семейными, семейные продолжались и на работе, производственные - дома. Но мы всё это как-то выдержали.

[\(продолжение следует\)](#)